

кафедру зоологии МОПИ Александр Петрович. Он восхищался статьями Н. А. Бобринского — лёгкостью и точностью его изложения.

Александр Петрович, не имевший образованных предков, сам учился писать, сам совершенствовал свой стиль. И постепенно дошел до высокого совершенства. Его работы с 1960-х годов представляют собой образец грамотного и точного изложения мыслей — ничего ни прибавить, ни убавить, — без архитектурных излишеств, но абсолютно грамотно с точки зрения русского языка и научного изложения.

Его многие не любили. Он был резок в спорах при защите своих идей, и это многим не нравилось. Когда в споре его хотели завести в научные дебри, чтобы показать свою глубокую эрудицию — из этого обычно ничего не получалось. Оказывалось, что он всё это знает, хотя в некоторых случаях он мог сказать: «Ну, про эту лабуду (его любимое слово) я знаю, но это не заслуживает внимания!»

Нельзя сказать, что мы с Евгением Евгеньевичем считали себя учениками и последователями А. П. Кузякина. Но в нашей молодости именно он вызвал у нас интерес именно к такому всепоглощающему подходу к научным исследованиям и своим примером бескорыстного служения делу был для нас примером.

Вот и теперь — мне 82 года, а я сижу и с удовольствием пишу первый из трёх томов монографии «Птицы Таймыра». И нередко с теплотой вспоминаю Александра Петровича.

Александр Петрович Кузякин — учитель, критик, оппонент Ю. С. Равкин

С Александром Петровичем Кузякиным я познакомился летом 1955 г. при не самых лучших, для меня, обстоятельствах. В это время я перешёл на 2-ой курс заочно-вечернего отделения факультета охотоведения Московского пушно-мехового института. Очное отделение в 1954 г. было переведено в Иркутск. Поскольку близилось моё девятнадцатилетие мне предстояло влиться в доблестные ряды Советской армии, что, как минимум, на три года должно было оторвать меня от занятия биологией. Учитывая мою горемычность, Надежда Львовна Гершкович (паразитолог по образованию и роду работ, друг моих родителей ещё по Биостанции юных натуралистов им. К. А. Тимирязева в Сокольниках) посоветовала обратиться за помощью к А. П. Кузякину и написала рекомендательную записку примерно такого содержания: «Дорогой Саша! Будь добр, помоги, если сможешь, подателю сего, Юре Равкину с переводом в МОПИ. Он человек хороший, но у него нелады с российской грамматикой». Последнее было истинной правдой, поскольку, пытаясь поступить в Московский городской пединститут, я умудрился сделать 5 ошибок в автобиографии и удостоился визы ректора на заявлении «Документы вернуть, абсолютная безграмотность».

Получив указанную записку, А. П., будучи заведующим кафедрой зоологии, начал ходить со мной по начальству и, если я отвечал на вопросы не так, как следовало, давил под столом своей ногой мою, чтобы я говорил так, как надо. Однако ему удалось добиться моего перевода толь-

ко на заочно-вечернее отделение факультета естествознания, хотя и на 2-ой курс. Правда, мне перезачли только один экзамен по истории КПСС, а остальное за 1-ый курс я досдавал одновременно с учёбой на втором. Через год я был уже в армии и лишь через 3 года вернулся к учёбе.

Сразу же стал ходить на заседания Межвузовского студенческого объединения, которое организовал А. П. На работу я устроился егерем в Лосиноостровское экспериментальное охотничье хозяйство (бывшая биостанция Московского пушно-мехового института). Под влиянием «Объединения» и выступлений А. П. сразу же стал считать птиц и воспринял всерьёз и на всю жизнь его девиз: «Считать везде, считать всегда и как можно больше!». Мой первый, сугубо фактологический доклад А. П. очень хвалил и назвал золотым вкладом в ландшафтную зоогеографию. Ну как после этого перестать ею заниматься?

После окончания пединститута я перешёл в старшие лаборанты Института экспериментальной биологии и медицины СО АН, который формировался тогда в Москве и уехал в противоэнцефалитную экспедицию на Алтай. В конце лета я получил приглашение А. П. поступать к нему в аспирантуру вместо Э. И. Коренберга, принятого на работу к В. В. Кучеруку. До последнего вступительного экзамена меня не допустил вернувшийся из отпуска ректор института из-за отсутствия требуемой рекомендации факультета. В связи с отпускным сезоном у меня была рекомендация лишь кафедры зоологии. А. П. ходил к ректору, но тот был неумолим. Позднее А. П. кому-то из знакомых, в связи с этим, сказал, что он не виноват, что у меня отец не арийского происхождения, а ректор, как говорят, обессмертил своё имя доносом на Л. Д. Ландау. Но что ни делает Господь — всё к лучшему. Не попав в аспирантуру в МОПИ, я избавился от педагогической карьеры, что меня более чем устраивало, и остался в Академии наук по сие время.

Тесный контакт с А. П. на этом не прервался, хотя он очень скептически относился к сотрудникам Академии наук. Несмотря на это, он стал руководителем моей кандидатской диссертации и, только по временно существовавшему запрету по докторским диссертациям, формально не был моим консультантом. Тем не менее, Александр Петрович Кузякин — один из трёх «китов», на «плечах» которых я стоял и стою до сих пор. Об этом я уже неоднократно писал⁹. Он, несомненно, Учитель, определивший мою систему ценностей и направление работ. Однако Александр Петрович был достаточно сложной, «многомерной» личностью. Страстность в науке и в отношениях с людьми выделяли его среди других, встреченных мною, учёных. Так, он говорил неоднократно, что новое надо внедрять в сознание других, при этом, чтобы направление не было искажено впоследствии, «палку надо перегнуть, чтобы, возвращаясь назад, она остановилась в нужном месте».

⁹ Равкин Ю. С. Реализация и развитие зоогеографических представлений А. П. Кузякина в Западной Сибири //Систематика животных, практическая зоология и ландшафтная зоогеография (Чтения памяти А. П. Кузякина). М.: Наука, 1991, с. 47-58.

Равкин Ю. С. Пространственно-типологическая организация животного населения (подведение итогов) //Сиб. экол. журн., 2012, т. 19, № 1, с. 3-25.

Равкин Ю. С. Ландшафтная, экологическая и факторная зоогеография (методы, подходы, реализация) //Принципы экологии, 2012, т. 1, № 4, с. 32-43.

Наши отношения нельзя было назвать безоблачными, но они никогда не выходили за пределы взаимного уважения, хотя критика А. П. в мой адрес почти всегда была достаточно резкой и нелицеприятной. Тем не менее, она оказывала на меня самое благотворное и весьма полезное влияние, помогая даже в том случае, когда я с ним не соглашался. После жаркого обсуждения моей первой публикации (тезисов конференции по учётам животных 1961 г.). А. П. сказал: «Ты как баран, тебе можно сломать рога, но ты всё равно лбом будешь биться!». Рога мне так и не сломали, хотя многие пытались «вразумить», но я остался «бараном» несмотря ни на что. И, тем не менее, А. П. всегда поддерживал меня, хвалил за «жадность» к материалу, но тут же давал массу указаний, советов и пожеланий как надо было бы сделать, с его точки зрения. Он неоднократно, хотя и не часто, называл меня одним из лучших своих учеников и последователей, но не в числе самых лучших и не самых последовательных. Вообще, А. П. был бескомпромиссным критиком и часто «перегибал палку». Однако это никогда мною не воспринималось с обидой, а всегда с благодарностью, поскольку в жизни меня не баловали полемикой, а воспринимали чаще как человека упрётого и «с приветом».

Бескомпромиссность А. П. проявлял не только в личных беседах, но и официальных отзывах. Помню текст его телеграммы- отзыва Учёному совету Биологического института СО АН СССР (1965 г.) на мою кандидатскую: «Диссертацию читал, сделал ряд замечаний. Если они учтены, считаю возможным представление её к защите». Председательствующий спросил: «Вы учли замечания руководителя?». На что я, с уже отмеченной особенностью, ответил: «Там, где согласился с замечаниями — учёл, а там, где я не согласен — оставил как было». Не смотря на гул в зале, Совет допустил меня к защите. В тот же год в докладе на IV орнитологической конференции в Алма-Ате, А. П. назвал меня в числе орнитологов, развивающих ландшафтную зоогеографию. Я далёк от мысли считать, как это принято в актёрской среде, по секундам длительность аплодисментов в адрес коллег, но мне всегда не хватало благожелательных оценок, хотя отрицательных было более чем в достаточном количестве.

С докторской было ещё хуже. Я уже ходил в «вероотступниках», а Александр Петрович к тому времени плохо видел и утолял свою оторванность от дел традиционным на Руси средством. А время было мерзопакостное, с дефицитом всего жизненно необходимого. Валентина Ивановна (жена Александра Петровича) боролась с ним на этом фронте как могла и угрожала, когда я приду, обыскать меня в прихожей. А. П. сразу спросил: «Принёс?». Я стал блеять что-то о трудностях текущего момента, но это мне не помогло. Боясь расправы, я стал извиняться, сказав, что, понимая сложность с чтением диссертационного тома, предлагаю прочитать ему только реферат. Прочёл его с замирающим сердцем, поглядывая иногда поверх листов на А. П., видя желваки, ходившие на его лице, ничего хорошего не ждал. Когда чтение закончилось, А. П. молча встал, зашёл в свою коллекционную комнату, где он работал и спал, насквозь пропахшую парадихлорбензолом, используемым для сохранности тушек (кстати, как выяснилось позднее, сильным канцерогеном). Из-за двери отчётливо

послышалось заветное бульканье, после чего А. П. вышел. Так же молча сел за стол, достал из пачки «Беломора» папиросу, ритуально смял её мундштук и сказал: «Ну, что я тебе могу сказать? Если бы я был членом Учёного совета, где ты будешь защищаться, то я не только голосовал бы против присуждения тебе степени, но и призвал бы остальных членов Совета голосовать также и я думаю, что они вняли бы моим доводам. Ты можешь не беспокоиться, я не пойду на твою защиту, но ты должен знать моё мнение». По-моему он говорил ещё что-то о моём всестороннем предательстве по отношению к нему и его идеям, но остальное я уже толком не помню, так же, как именно закончился разговор, но точно без резкостей и ругани.

Поскольку на защите после выступления А. С. Шилова я прошёл с превышением всего в один голос, не сомневаюсь, что А. П. поддержали бы. Тем более что не утверждали меня потом 1,5 года.

А. П. любил не только летучих мышей, художественно сделанных коллекционных тушек и кладок птичьих яиц, но и женщин, особенно мягких на ощупь. Уж не знаю, в какой мере они отвечали ему взаимностью, но отголоски бурь до нас доносились. Меня он прямо называл «сапожником» за полную неспособность к собиранию коллекций, а когда, уже после окончания института, я пожаловался на одну из преподавательниц на недостаточное внимание к научным работам студентов, сказал примерно: «Ну, это ты зря. Я танцевал с ней как-то на одном из факультетских вечеров, она так, вполне себе!».

Я должен сказать, что не люблю «лакированных» воспоминаний, а хочу видеть поминаемого человека живым и не приукрашенным. В доказательство прилагаю письмо Александра Петровича (см. выше) по поводу рукописи нашей с И. В. Лукьяновой книги «География позвоночных южной тайги Западной Сибири» (1976). Оно слегка купировано в «горячих местах». В этом случае поставлены точки.

С момента написания этого письма прошло уже 40 лет. Сейчас я склоняюсь к банальной мысли о многомерности мира в целом и животного населения в частности. В них, как в статистических ансамблях с внешним ограничением, есть всё-всё-всё и ещё немного. Поэтому все мы, исследователи, правы по-своему и нет нужды делиться на антиподы, на правых и ошибающихся. Изучая и описывая объекты своих исследований мы создаём новый мир собственных представлений, отличный от реального. Эту реальность нельзя понять, представить и описать без использования различных методов, подходов, допущений, системы ценностей и приоритетов, без ошибок выборочности и погрешностей, зависящих от наших возможностей и заблуждений. В зависимости от всего этого мы вырываем фрагменты рисунка из ковра, сотканного Природой или Творцом, в роли которого может выступать разум человеческий и закономерный случай. Проще и категоричнее говорил об этом Н. В. Тимофеев-Ресовский (см. документальный фильм Е. Саканян «Рядом с Зубром»): «... наука никакого действительного знания не даёт. Это система компоновки комбинаций наших сведений о том, что мы наблюдаем в мире вокруг нас ...».

Поэтому я считаю, исходя из многомерности сущего на Земле, что всё,

что мы пишем, не столько противоречит, сколько дополняет друг друга. И наша задача сводится к выявлению иерархии значимости представлений, выявлении главного и отделения его от второстепенного для решения поставленной задачи. Оно (второстепенное) неверное, ошибочное, по мнению одних и важное, верное в представлениях других, нужно не отвергать с порога и навсегда, а взвешивать, встраивать в общий порядок по значимости его. Однако, без страсти, без эмоций и отстаивания своего мнения, иного взгляда, иных мысленных конструкций, нет движения вперед, нет развития. Поэтому, несмотря на убеждение, что мы все равные и все разные, редактируя чужие статьи и монографии, постоянно ловлю себя на мысли, что так же, как Александр Петрович, хотя и неосознанно, обращаю внимание своих «учеников и последователей» на те же недостатки, на которые указывал мне в своё время А. П. Также попрекаю их за инакомыслие и «вероотступничество», подгоняю их представления под свои, перевожу сказанное ими на свой язык, чтобы лучше понять сделанное ими. При этом нередко про себя восклицаю: «Какой же я всё-таки кудыкинец!», хотя всю жизнь перечил ему, отстаивая своё, а на самом деле строил наше общее с ним и другими его учениками здание и понимаю, что он на всю жизнь мой Учитель, Критик и Оппонент. Он до сих пор со мной и голос его звучит для меня по-прежнему и, как прежде, значимо.

Александр Петрович — моя судьба

В. Т. Тагирова

Шёл 1962 год ... Первое полугодие моего последнего года обучения на биолого-химическом факультете в Хабаровском государственном педагогическом институте. До получения диплома оставались считанные месяцы. Я строила свои планы жизненного обустройства ... Выбирала для преподавания общеобразовательную школу в пределах Хабаровского края. Других планов не предполагала ... По-прежнему занималась помимо учёбы в научных кружках и любимыми видами спорта, выступала за честь факультета и родного вуза, а летом — в экспедициях. В процессе общения в спортивной секции с ребятами из Нанайского района узнала, что в поселке Найхин есть краеведческий музей, где представлена этнография нанайского народа. Вот это было бы мне по душе — думалось мне: могучая река Амур, рядом лес — родное пристанище малых народов, изучение природы ..., знакомство с бытом, интересами ... Уже просила однокурсников не занимать это место. Однако мой высокий учебный потенциал и бурная общественная жизнь в студенчестве оказались замечеными общественностью и в ректорат пришло приглашение на работу в городской комитет комсомола. Поскольку почти все каникулы мои были заняты экспедициями и туристическими походами по Приамурью, то на двух кафедрах — ботаники и зоологии параллельно было принято решение рекомендовать меня в целевую аспирантуру. Мой выбор пришёлся на зоологию ..., подвижные существа перевесили чашу весов, хотя растения остались одним из самых привлекательных жизненно важных увлечений. К тому же между ними неотъемлемая связь, они в равной степени сохранились в моей душе ... Впереди были «потёмки» ... Надо было ехать в Москву.